

«Учителя» -

совместное издание "Петербургского театрального журнала" и Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства.

Это история театроведческого факультета СПбГАТИ, отметившего свое 75-летие, книга о тех, кого многие поколения называют своими учителями. 40 персоналий учителей, более пятидесяти авторов-учеников. Те, кто писал о старших, сами становятся учителями, а следующие поколения пишут о них...

Составители книги — М. Дмитриевская, Е. Тропп.

<http://ptj.spb.ru/project/books/>

В главе «Запоздавший поклон» книги «Учителя» Александр Урес вспоминает **Анатолия Зиновьевича Юфита**

1964 год, исход оттепели. Мы, первокурсники, сидели, развалившись в роскошных «зубовских» резных креслах с высокими спинками у круглого стола, непрерывно курили и обсуждали все на свете во время перемен между лекциями. А он поднимался по главной лестнице. Высокий полный человек в немного мешковатом костюме, в очках с толстыми линзами и с черной увесистой папкой под мышкой. Шел уверенно, в среднем темпе. Ничего особенного в этом восхождении не было, но почему-то все головы поворачивались в его сторону и развалившиеся как-то немного подбирались. Не из поддобирастия или страха, просто естественно, интуитивно при виде этого человека приходила мысль, что дело надо делать, а не трепаться попусту.

Не успевал он поставить ногу на верхнюю ступеньку, как к нему подбегали 2-3 человека, которые уже ждали его появления - студенты, аспиранты, преподаватели: «Анатолий Зинович, Анатолий Зинович...» Он постоянно был нужен многим людям.

Считается, что главной заслугой Юфита было создание лаборатории экономики и организации театрального дела. Действительно, ощутить необходимость рождения новой специализации, нового направления в то идеологически железобетонное время, убедить косные инстанции в этой необходимости, пробить в достаточно короткие сроки финансирование всей этой затеи – для этого требовалась недюжинная энергия, знание номенклатурно-партийных ходов-выходов и умение ими пользоваться. Он вызывал безусловное доверие. И не только у начальства. Рассказывали, что отдыхая в Комарово, Анатолий Зиновьевич на спор, чуть ли не в плавках выходил на середину шоссе и останавливал проезжавшие машины. На недоуменные вопросы водителей отвечал, что шоссе по каким-то серьезным надобностям перекрыто, дальше проезда нет, придется двигаться в объезд. Машины покорно разворачивались и отъезжали. И никому не пришло в голову, почему это полуголый человек руководит движением на популярной трассе.

Как совершенно точно отметила Г.А. Лапкина, у Юфита для осуществления такого масштабного проекта, какой стала организация экономической лаборатории, была идеальная биография. Военное училище, служба в армии, на нашем курсе говорили еще и про работу на заводе слесарем-токарем. Потом Театральный институт, вечный отличник, сталинский стипендиат, аспирант, кандидат, потом и доктор наук, профессор. Конечно же, член партии, кажется, заместитель секретаря партбюро института. Все это искупало один, но существенный для партийного начальства недостаток – пятый пункт.

Но кроме, образцовой биографии в нем была внутренняя сила и крепкая мужская надежность. Это чувствовали все, мужчины и женщины. Отсюда и успех у женщин. В Юфита всерьез влюблялись и театроведческие и партийные дамы. А он выбирал для серьезных отношений красивых и очень талантливых – Аллу Осипенко, Татьяну Доронину.

Официально А.З. был заведующим кафедрой русского театра. Но, как справедливо пишет та же Галина Алексеевна, в сущности Юфит возглавлял весь факультет. И как теперь понимаешь формирование превосходного профессорско-преподавательского состава – это во многом его заслуга. Ну, действительно, я не помню ни одного никчемного преподавателя. Хуже-лучше, но интересными были все, даже почасовики со стороны. Вот появляется вдруг спецкурс по телевидению. Читает никому тогда не известный Игорь Масленников. Как я теперь понимаю, он ждал утверждения на съемки своей дебютной картины и его кто-то (возможно опять же Юфит) сосватал к нам – чего, мол, сидеть без дела, поговори с молодежью о современном ТВ. Он прочел всего несколько лекций и убежал снимать « Личную жизнь Кузьяева Валентина». Но я помню эти лекции до сих пор – это был очень острый по тем временам взгляд на телевидение.

Юфит оказался куратором нашего курса. Кажется, мы были у него первыми курируемыми. Поэтому поначалу А.З. нас опекал и старался относиться по-отечески. Как-то устроил опрос кто сколько спит ночью. Говорил, что 6 часов – мало, 8 – слишком жирно, а вот 7 – в самый раз. И, кстати, убедил. Меня, во всяком случае, до сих пор пользуюсь этой рекомендацией. В другой раз, это было на втором курсе, 1966 год, он вошел в аудиторию и с порога, в совершенно не свойственной ему, почти восторженной манере, произнес: « Потрясающе! А? ЗДорово, правда?» Мы даже не сразу поняли, о чем идет речь. Оказалось, что это относилось к только что опубликованной в журнале «Москва» первой части «Мастера и Маргариты». И потом еще добрые четверть часа говорил о невероятности этого романа и судьбы его автора.

Юфит читал нам «Историю советского театра», стараясь, прежде всего, разбудить в слушателях интерес к этому театру. А интерес был, прямо скажем, вялый. Нас прельщал тогда западный театр, Брехт, театр абсурда (хотя мы плохо понимали, что это за зверь), Мрожек и польский театр, а если говорить об отечественной сцене, то это, конечно, полузапретные Таиров и Мейерхольд. Всякие там театры Пролеткульта и первые советские постановки МХАТ нас мало вдохновляли. А.З. старался увлечь юных снобов, преподнося нам какие-то действительно диковинные факты тех бурных исторических процессов. Слушать было интересно, расшевелить и расположить косную молодежную аудиторию ему отчасти удавалось, но переломить тенденцию пренебрежения историей советского театра, конечно, нет. Для этого требовалось время, мы должны были повзрослеть...

Лично для меня кураторство Юфита обернулось невероятным, сказочным подарком на всю жизнь. На втором курсе он призвал меня и сокурсника Геннадия Куцера и предложил нам пройти практику в качестве помрежей на курсе Товстоногова, который сейчас готовит дипломный спектакль. Так мы попали в обойму легендарных товстоноговских студенческих спектаклей: «Зримая песня», «Вестсайдская история» «Люди и мыши». Сидели на всех репетициях в Учебном театре в специальной загородочке за пультом помрежа. Выучили наизусть всю световую и звуковую партитуру спектакля. Трепетали во время репетиций, которые вел сам Гога. Завороженно смотрели сверху на его лысину, поблескивающие в темноте зала очки, на дымок его вечной сигареты «Мальборо».

Мы попали в эпицентр успеха. На Моховой задолго до начала спектакля собирались толпы, страждущих попасть. Девушки бросали на нас заискивающие взгляды, потому что мы могли провести и проводили многочисленных друзей и подружек в нашу загородочку.

А дальше как победный гром среди ясного неба нам объявляют, что «Зримая песня» едет на международный фестиваль студенческих театров в югославский Загреб. А заодно еще и в Болгарию. Руководитель поездки – Юфит... Даже сейчас для второкурсника 19-ти лет от роду такая поездка стала бы безусловной удачей. А тогда...и рассказать невозможно! Югославия хоть формально и числилась страной соцлагеря, но обязательные анкеты, которые мы заполняли, проходя проверку в так называемом райкоме, были длиннющими простынями с надписью «Анкета туриста, выезжающего в капиталистическую страну». Настоящая граница!

Почти три недели я мог наблюдать А.З. с близкого расстояния. Удивительный, конечно, был человек. Он умел организовать всех и все как-то совершенно незаметно, легко, сам оставаясь при этом в тени. И старался все время тоже незаметно нас просвещать. Хотя никто его об этом не просил, он организовал для всего курса просмотр шедевров мирового экрана. Мы увидели «Прошлым летом в Мариенбаде» Алена Рене, «Девичий источник» и «Седьмую печать» Бергмана, еще что-то такое же ошеломительное, уже не помню.

Тогда же в Загребе один единственный раз я увидел А.З. почти растерянным. Накануне отъезда несколько фрагментов «Зримой песни» было снято на телевидении. И буквально за несколько часов до отъезда каждый за эту съемку получил гонорар. Солидные для наших тощих кошельков деньги. До закрытия большого универмага, куда мы все ринулись, оставался час или полтора. Бегали по этажам в каком-то нездоровом азарте, выхватывая друг у друга кофточки, брюки, туфли, примеряли, отбрасывали и снова примеряли. И посреди всего этого лихорадочного шопинга возвышалась фигура Юфита, который был явно чужим на этом празднике потребления. Он вертел головой, смотрел сквозь свои толстые очки на нашу суету и, казалось, иронически или смущенно улыбался. Девочки-актрисы говорили потом, что кроме духов для Дорониной, он так ничего себе и не купил.

Вскоре он полностью погрузился в создание лаборатории. А я уже расстался в альма-матер и знал только понаслышке о тесной дружбе Юфита с Товстоноговым, о разных новых проектах и замыслах. А потом прошел слух, что А.З. очень болен. Поверить в это было невозможно. Он, такой сильный, большой, глыбистый, не мог болеть всерьез! Казалось, это слухи, он все организует, то есть поправится. Но потом стало известно, что вся семья Товстоноговых поехала к нему в больницу – прощаться...

А дальше - набитый битком амфитеатр учебной сцены на Моховой. Люди стояли даже в проходах. Одним из первых к гробу подошел Товстоногов и сказал, что вот мы всё ищем «героя нашего времени», он был рядом, а мы этого не понимали. И еще сказал, что он, Товстоногов, счастлив, что жизнь подарила ему дружбу с этим человеком...

Анатолию Зиновьевичу исполнилось всего лишь 53 года. Самый расцвет жизненных сил, опыта, всей деятельности. Я, постоянно вспоминая его, думал, что если бы не проклятая болезнь, он мог бы стать ректором Моховой. И тогда это был бы совсем другой институт, а потом и академия.

А еще думал о том, что всегда стеснялся подойти к нему и сказать хоть пару слов благодарности за все, что он делал для меня и многих, многих людей. Ну, вот хоть сейчас говорю: низкий поклон вам, Учитель!